

RU

Философско-антропологические особенности постгуманизма: сложность как стратегия децентрации человека

Ополев П. В.

Аннотация. Цель исследования – раскрыть эвристический потенциал феномена сложности в осмыслении человека через изучение особенностей становящегося постгуманистического дискурса. В статье данная проблема рассмотрена в контексте перехода от постмодернистской и постструктуралистской оптики познания многообразия к постгуманистической аксиологической стратегии децентрации. Научная новизна статьи состоит в обосновании превращения сложности в ценностно-значимую категорию. В работе уточнено понятие асимметричной и распределённой агентности, обозначены нормативные ограничения, которые сложность накладывает на взаимоотношения человека с нечеловеческими акторами. В результате исследования зафиксирована взаимодополнительность понимания сложности в современной философии и науке, определены предпосылки кризиса классического гуманизма, представлены ключевые направления постгуманизма, осмыслена роль сложности в отказе от редукционистских стратегий и переосмыслении ценностных границ между человеческим и нечеловеческим началами.

EN

Philosophical and anthropological features of posthumanism: complexity as a strategy for the decentralization of the human

P. V. Opolev

Abstract. The study aims to reveal the heuristic potential of the phenomenon of complexity in comprehending the human being through examining the features of emerging posthumanist discourse. The article examines this problem within the context of the transition from postmodern and poststructuralist lenses of perceiving diversity to a posthumanist axiological strategy of decentralization. The scientific novelty of the article lies in substantiating the transformation of complexity into a value-significant category. The work clarifies the concepts of asymmetric and distributed agency and outlines the normative constraints that complexity imposes on the relationship between humans and non-human actors. As a result of the research, the complementarity of the understanding of complexity in contemporary philosophy and science is established, the prerequisites for the crisis of classical humanism are identified, the key directions of posthumanism are presented, and the role of complexity in rejecting reductionist strategies and rethinking the value boundaries between the human and the non-human is reflected upon.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью прояснить: как именно категория сложности способствует децентрации человека, переосмыслению распределённой и асимметричной агентности, а также формированию этических ориентиров во взаимоотношениях человека с нечеловеческими акторами (животными, техникой, экосистемами). Обращение к данной проблеме позволяет уточнить теоретические основания постгуманизма, предложить концептуальные рамки для анализа современных антропологических вызовов.

Современная философско-антропологическая мысль переживает период концептуальной трансформации, вызванной кризисом гуманизма и переосмыслением антропоцентризма. Такого рода тенденция находит своё отражение в пространстве целого ряда направлений науки и современной философской мысли. В рамках «наук о сложном» (“complexity science”), постмодернизма, постструктурализма и постгуманистического дискурса мы обнаруживаем рецепцию актуальных антропологических вызовов (от технологических до экзистенциальных), многие из которых настоятельно требуют переосмысления классических гуманистических установок. Данные направления имеют свои объективные особенности, но вместе их объединяет

критика ценностных констант культуры модерна, переход от стремления к простоте, порядку и всеобщим универсальным законам, к признанию сложности бытия.

В настоящее время в науке и философии всё чаще говорят о необходимости переосмысления взаимосвязи природы и человека в условиях «рекурсивно возрастающей сложности техносоциальных систем» (Орлов, 2014, с. 28). Поиск коэволюционных стратегий, которые, с одной стороны, предполагают устойчивый рост техносферы, а с другой стороны, поддерживают гомеостаз биосферы, требует переосмысления и трансформации мировоззренческих установок, сложившихся в гуманизме. Значимым аспектом такого рода рефлексии становится признание имманентной сложности. За констатацией субстанционального многообразия действительности оказываются сокрыты аксиологические следствия, которые нуждаются в рефлексии.

Для достижения поставленной цели необходимо решить целый ряд сопутствующих задач. Во-первых, следует обозначить проблемы репрезентации сложности в науке и философии. Во-вторых, требуется зафиксировать предпосылки кризиса классического гуманизма. В-третьих, возникает необходимость охарактеризовать формы, направления постгуманизма и наметить его противоречия. В-четвёртых, требуется выявить роль сложности в постгуманистическом дискурсе, обосновать, как её признание способствует формированию представления о распределённой агентности. В-пятых, необходимо исследовать нормативные ограничения, которые сложность накладывает на отношения человека с нечеловеческими акторами.

Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный анализ и диалектический синтез категориального аппарата, сложившегося в «науках о сложном» (*“complexity science”*), и философских идей постструктурализма, постмодернизма и постгуманизма. Автор изучает роль сложности в постгуманистическом дискурсе, диалектику эпистемологического и аксиологического подходов к сложности, опираясь на актуальные философско-антропологические исследования. Настоящая работа фокусируется на философско-антропологическом измерении сложности, оставляя за своими границами ряд сопутствующих проблем. Во-первых, анализ преимущественно сосредоточен на западной философской традиции. Во-вторых, автор не претендует на построение законченной аксиологии сложности, а лишь намечает её концептуальные контуры. В-третьих, исследование не предполагает апологию постгуманизма. Он, скорее, рассматривается как философская позиция, актуальное явление современной философии.

Исходная интенция работы состоит в том, что в постмодернизме и постструктурализме сложность выступает оптикой познания многообразия и стратегией деконструкции («как мыслить сложное?»), тогда как в постгуманизме она превращается в ценностно-значимую категорию, в своего рода праксис («как жить в сложном мире без антропоцентризма?»). Такого рода ракурс побуждает к переосмыслению места человека за пределами антропоцентризма. Остаются открытыми вопросы: следует ли искать альтернативы антропоцентризму (например, «в форме онтоцентризма» (Scheessele, 2022, с. 53), «сетцентризма» (Аршинов, 2021, с. 46)) или строить радикально нон-антропоцентрические мировоззрения? Ответы на эти вопросы способствуют пониманию вектора развития современного постгуманистического дискурса и углублению представлений об антропокультурной природе сложности.

Теоретической базой статьи выступают исследования в области постгуманизма, наук о сложности (*complexity science*), постструктурализма и постмодернизма. Автор опирается на ключевые работы зарубежных философов, представителей постгуманистического дискурса (Брайдотти, 2021; Феррандо, 2022; Харауэй, 2020; Hayles, 1999). Значительное место в теоретической базе занимают отечественные (Аршинов, 2023; Грибовод, 2020; Грицанов, 2001; Гречко, 2012; Медушевский, 2024; Неаполитанский, 2020; Поломошнов, 2017; Сигнаевская, 2011; Фатенков, 2009; Ямпольский, 2012) и зарубежные (Cilliers, 2000; 2002; Heylighen, Cilliers, Gershenson, 2007; Kesić, 2024; Woermann, 2016; Young, 2020) исследования сложности и антропологических трансформаций. Кроме того, статья опирается на философскую критику гуманизма и антропоцентризма (Хайдеггер, 1993a; 1993b; 2006; Фуко, 1994).

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении категориального статуса «сложности» в контексте постгуманистического дискурса. В работе показано, что понятие «сложность» перестаёт быть только эпистемологической характеристикой (как в «науках о сложном») или оптикой деконструкции (как в постмодернизме и постструктурализме), а приобретает статус аксиологической категории. Это позволяет по-новому осмыслить децентрацию человека, распределённую и асимметричную агентность, а также границы между человеческим и нечеловеческим.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных выводов в актуализации этики взаимодействия с нечеловеческими акторами. Представляется, что практическое проявление ценностного измерения сложности обнаруживается в нескольких моментах. Во-первых, в этике взаимодействия с нечеловеческими акторами признание асимметричной сложности означает отказ от универсальных моральных императивов, основанных на гуманистическом нарративе человеческой исключительности. Это предполагает переход к контекстуальной, ситуативной ответственности человека, где учитывается самобытная история каждого актора. Во-вторых, в технологической и экологической политике ценностное отношение к сложности запрещает редукцию сложных систем (например, целых экосистем или техносоциальных ассамблеж) к оптимизационным или «поставляюще-предоставляющим» моделям. В-третьих, в самой исследовательской практике постгуманизма ценностная сложность работает как своего рода «методологический императив».

Обсуждение и результаты

Сложность в науке и философии

Сложность является одной из ключевых характеристик современной науки, общества и культуры. Наука и философия по-разному оценивают вызовы сложного мира. В науке сложность рассматривается преимущественно как эпистемологический феномен, она констатируется, но не мыслится как ценностная категория (Ополе, 2018). В пространстве же исследований современной философии (Маркитантов, 2026; Мартин, 2024; 2026) наблюдается повышенное внимание к аксиологическим следствиям переосмысления связи человека и мира. Так, эпистемологический и аксиологический потенциал сложности недостаточно исследован в русле идей постгуманизма, в которых происходит отказ от мифа об автономности человека, рефлексия (принимаящая форму деконструкции) гуманистических установок модерна.

Интерес к сложности в логике постгуманизма обусловлен тем, что данная категория охватывает явления гетерогенности, реляционности, незамкнутости, трансверсальности. Трудно оспорить мысль, что мир состоит из разнородных элементов (от людей и животных до экосистем и дискурсов) и в этом смысле является гетерогенным. Вместе с тем гетерогенность предполагает отказ от идеи универсальной перспективы, признание, что отдельные виды сущего имеют свой «голос». Реляционность предполагает наличие нередуцируемой связности, в которой я отвечаю не только за себя, но и за «других». В конце концов, трансверсальность сложности подчёркивает её междисциплинарный и трансдисциплинарный статус.

Постгуманизм предполагает, что субъект обретает способность быть агентом в мире, где он больше не является центром. С одной стороны, формируется представление о мире как об открытой системе, характеризующейся нередуцируемой, эмерджентной сложностью. С другой стороны, становится очевидным, что в осмыслении сложности культуры и человека невозможно ограничиться ценностно-нейтральной констатацией многообразия, ссылкой на обезличенные процессы системогенеза и самоорганизации.

Отечественные и зарубежные исследователи связывают сложность с многообразием, справедливо указывая на то, что за её кажущейся интуитивной понятностью скрывается ускользающая предметность (Ополе, 2019). По мысли П. Силлиерса (Cilliers, 2000, p. 9), сложность является феноменом контекстуальным (сложные системы имеют уникальную историю) и несжимаемым (“incompressible”). Сложность может пониматься как конвенциональная, сопоставительная характеристика разнообразия (Черепанов, 2009, с. 93), характеристика многомерного устройства объекта (Стебаков, 2013, с. 218), следствие неполноты информации (Свиридов, 2013, с. 5) и т. д. В некоторых случаях для дифференциации сложности в природе и социокультурной действительности дополнительно вводятся понятия «мягкой» (soft) и «жёсткой» (hard) сложности (Richardson, Cilliers, 2001, p. 67). Сохраняет свою актуальность замечание И. А. Асеевой и А. В. Маяковой (2015, с. 18) о том, что парадигма сложности всё ещё нуждается в философской ассимиляции.

Нам представляется, что в исследовании сложности целесообразно выделять два диалектически связанных, но всё же не до конца совпадающих вектора: «естественнонаучный» и «философский». При всех концептуальных различиях философского и естественнонаучного знания осмысление сложности включает их конвергенцию, в которой осуществляется пересмотр целого ряда классических бинарных оппозиций (внешнее – внутреннее, объективное – субъективное, живое – неживое, природа – культура, человеческое – нечеловеческое).

Современная философия и наука признают имманентную сложность действительности, предлагая различные подходы к пониманию многообразия. Действительность природы в синергетической картине мира представляет собой совокупность самоорганизующихся систем, неустойчивостей и флуктуаций, которые способствуют появлению и увеличению разнообразия разного рода структур. В этом контексте человек на «правах» непосредственного соучастника растворяется в безличной онтологии процессов самоорганизации. Таким образом, признаётся мультиагентность действительности, которая, как полагают Ф. Хейлиген П. Силлиерс К. Гершенсон (Heylighen, Cilliers, Gershenson, 2007, pp. 117-134), из локальных взаимодействий порождает глобальную организацию. В таком виде «естественнонаучный» вектор осмысления сложности мира сближается с «философским», в частности с установками современных плоских онтологий (например, с объектно-ориентированной онтологией Г. Хармана (2021), Л. Брайанта (2019)).

Повышенный интерес к сложности со стороны постнеклассической науки способствует децентрации номологического взгляда на природу, в результате которого природа осмысляется как масштабируемая сеть различных видов сущего. Природа перестаёт рассматриваться как совокупность универсальных, неизменных и не зависящих от наблюдателя объектов. Акцент в осмыслении природы смещается с изучения всеобщих, «простых» и предзаданных законов природы к паттернам самоорганизации, включающим наблюдателя, средства наблюдения, особенности языка и другие факторы. Как подмечает зарубежный исследователь С. Кесич (Kesić, 2024), с одной стороны, науки о сложности носят выраженный синтетический, междисциплинарный характер, формируясь на стыке общей теории систем, кибернетики, теорий хаоса и концепций синергетического типа, а, с другой стороны, выходят за их рамки, претендуя на статус «универсальной науки», «теории всего».

Философия также активно использует наработки науки в осмыслении многообразия. В философии идеи хаоса, неопределённости, многообразия, множественности, иначе говоря, сложности, находят своё уточнение в таких понятиях, как «сеть» (Латур, 2006, с. 61-62) и «ризом» (Делез, Гваттари, 2010, с. 858-859). Указанные понятия одновременно выступают и как образы сложности, и как «эпистемические инструменты», представляя своего рода ракурс для реконструкции структурного многообразия. Сложность с позиции целого ряда

рецепций философии культуры позволяет описывать действительность как следствие «связывания», «переплетения», действия, осуществляя тем самым выход за пределы идеи центра. В результате сложность осмысливается не только как оптика познания многообразия, но и как междисциплинарная, процессуальная, трансверсальная категория.

Века XX и XXI характеризуются повышенным интересом к проблеме сложности как со стороны науки, так и со стороны философии. В работе зарубежного философа П. Силлиерса (Cilliers, 2002, p. 113) констатируется, что постмодернизм обладает особой чувствительностью к проблеме сложности, выводит её понимание за пределы редукционистских стратегий. По замечанию П. К. Гречко (2012, с. 19), «парадигма complexity» – это «теоретико-методологическое выражение» ситуации «постмодерной современности». Сложность в постмодернизме из эпифеномена превращается в неотъемлемый атрибут нашего настоящего.

Постструктурализм активно исследует философские аспекты многообразия, понимания мира как сложной, открытой системы, познание которой ограничено и контекстуально. В контексте постструктурализма сложность исследуется в работе М. Верманн (Woergmann, 2016), которая уделяет особое внимание рефлексии М. Фуко и Ж. Деррида. Постколониальная мысль, в свою очередь, также переосмысливает универалистские притязания классического европейского гуманизма, который видится как инструмент исключения. В этом смысле категория «сложность» рассматривается как способ деконструкции упрощённых, бинарных колониальных схем. Постколониальные исследования наполняют абстрактные модели сложности, сложившиеся в постструктурализме, конкретным историко-культурным и политическим содержанием. Необходимость «деколонизации» мышления находит своё выражение в постструктуралистской антропологии (Ополев, 2024).

Предпосылки кризиса гуманизма

В постгуманистическом дискурсе происходит парадигмальный сдвиг, что предполагает переосмысление как самого гуманизма, так и сложившихся в его рамках представлений о связи человека и мира. Многие исследователи (Грицанов 2001, с. 256; Фатенков, 2009) усматривают в гуманизме рафинированное мировоззрение антропоцентризма, который постулирует веру в человеческую исключительность, её онтологическую и этическую самодостаточность. Философ М. Хайдеггер в работе «Письмо о гуманизме» отмечает: «Всякий гуманизм или основан на определённой метафизике, или сам себя делает основой для таковой» (Хайдеггер, 1993b, с. 197).

Причины исторического упадка гуманизма и его последующего кризиса носят комплексный характер. Как отмечает М. С. Неополитанский (2020, с. 142), постгуманизм является отражением ощущения несбывшейся антропологической катастрофы. Вместе с тем классики постгуманизма (Hayles, 1999), напротив, видят в постгуманизме закономерную эволюцию человека, а не его катастрофу.

Среди предпосылок трансформации гуманизма предлагаем выделить следующие.

Во-первых, в науках и философии происходило переосмысление идеи универсального человека. Значимым источником постгуманизма следует считать антигуманизм, в котором имеет место отрицание образа унитарного субъекта гуманизма и его замена на реляционный субъект, который оказывается связан с телесностью, сексуальностью, разного рода аффектами. Так, психоанализ способствовал утверждению гетеронормности человеческого «Я». Философия структурализма, постмодернизма и постструктурализма осуществила «децентрацию» (Деррида, 2000) субъекта, которая предполагает рассмотрение человека как исторического конструкта, продукта сложных взаимоотношений (с языком, культурой, бессознательным). В результате гуманистическая концепция человека как автономного индивида начинает осмысливаться как исторически сложившаяся эпистема (Фуко, 1994, с. 401).

Во-вторых, операционализация и инструментализация разума является причиной тотального порабощения природы. В исторической перспективе гуманистическая риторика становится источником разного рода репрессивных практик, используется для дегуманизации «другого». Гуманизм, возвеличивая абстрактного человека, воспроизводил иерархии, где «другой» уже не мыслился в качестве человека. Постколониальная теория, осуществляя историко-культурную реконструкцию человека, также обнаруживает, что дискурс гуманизма весьма избирателен и партикулярен: отдельные народы, расовые меньшинства долгое время выпадали из концепта «универсальный человек». В результате гуманизм как господствующая модель культуры становится источником европоцентризма, ориентализма и «методологического национализма» (Феррандо, 2022, с. 15).

В-третьих, объективное развитие науки и техники, вызовы информационной сложности способствовали размыванию онтологических границ человеческого и нечеловеческого. Так, в работах У. Матураны и Ф. Варелы (2019, с. 188) фиксируется структурная конгруэнтность между человеком и средой его обитания. Примечательно, что именно наука (особенно в ракурсе процессов NBIC-конвергенции), вырастая из антропоцентрической установки, по мере своего развития способствует развенчанию представлений об исключительности человека.

В-четвертых, современное мировое хозяйство включает в себя единый природно-культурный континуум. В XXI веке предметом присвоения оказывается не только способность к труду, но и «жизнь», «витальная сила» (то, что Р. Брайдотти (2021) называет “zoe”) как таковая – способность расти, размножаться, чувствовать и даже умирать. Репродуктивные процессы, смерть, умирание становятся капиталом, предметом купли и продажи, технических и политических манипуляций. Схожую мысль озвучил М. Хайдеггер (1993a, с. 228) в работе «Вопрос о технике», когда выделил два способа раскрытия потаённого: «поставляюще-предоставляющий» (технический) и поэтический. В логике «поставляюще-предоставляющего» подхода природа становится ресурсом, средством осуществления технического замысла. В этом контексте постгуманизм оказывается реакцией на такого рода «производственно-поставляющий подход».

Формы, актуальные направления и противоречия постгуманизма

Принято считать, что термин «постгуманизм» одним из первых использовал И. Хасан в работе «Прометей как перформер: по направлению к постгуманистической культуре». В работе И. Хасана провозглашается «коонец» человека и превращение его в постчеловеческого субъекта (Hassan, 1977, p. 843). В исследовании О. Р. Сигнаевской (2011) выделяется три эпохи развития представлений о человеке: «предантропологическая», «антропологическая» и «постантропологическая». Постантропологическая эпоха связывается автором с нарастающим ощущением антропологического кризиса, с неклассической философской рефлексией, постмодернизмом, постнеклассической наукой и развитием информационного общества (Сигнаевская, 2011, с. 73-75).

В настоящее время по-прежнему не сложилось единого постгуманистического дискурса. По мнению М. Ямпольского (2012, с. 61-62), выделяется две формы постгуманизма: одна – принимающая форму биологического монизма – «зоонтологии», другая – настаивающая на интеграции человека и техники. Примечательно, что у знаковых представителей современного постгуманизма (Брайдотти, 2021; Феррандо, 2022) постгуманизм выходит за границы идеи интеграции с биосферой и дифференцируется с трансгуманизмом и «экоцентризмом». Как справедливо замечает Е. С. Грибовод (2020, с. 137), в академическом дискурсе сохраняются категориальная путаница в определении постгуманизма и терминологический хаос в базовых понятиях. По мнению М. С. Неополитанского: «...постгуманизм – это общий термин для обозначения совокупности онтологических, эпистемологических и теоретико-методологических разработок в социальных, гуманитарных и естественных науках» (2020, с. 134). В исследовании В. А. Поломошнова (2017) обобщается широкий диапазон смысловых векторов осмысления постгуманизма – от мировоззренческого до технологического. Автор фиксирует, что постгуманизм может пониматься и как критика классического гуманизма Просвещения, и как следствие утраты веры в исключительность человека, и как потенциальный проект будущего (Поломошнов, 2017, с. 5).

В некоторых случаях к постгуманистическому дискурсу относят трансгуманизм. С этим не соглашаются современные исследователи, полагая что трансгуманизм по духу антропоцентричен (Феррандо, 2022, с. 65-66). Трансгуманизм стремится к реализации самой амбициозной цели гуманизма – безграничному могуществу человека, в то время как постгуманизм основывается не переосмыслении субъектности и идентичности. Постчеловек трансгуманизма видится логическим продолжением гуманистического проекта, что противоречит нон-антропоцентрическому нарративу постгуманизма.

По мысли одного из идеологов современного постгуманизма Р. Брайдотти (2021, с. 76-77), в настоящее время существует три главных направления постгуманистической мысли: негативное, аналитическое и критическое. Негативное направление постгуманизма предполагает «реконтекстуализацию» ключевых идей гуманизма и представлений о всеобщей связи человека с миром. Аналитическое направление постгуманизма акцентирует внимание на том, что в современном мире познание и агентность распределены между людьми и машинами. Критический постгуманизм предполагает деконструкцию универсалистского мышления и концептуализацию холистического подхода к действительности через введение понятия “zoe” (жизни как биологической силы) и противопоставление его “bios” (своего рода политически организованной жизни). Понятие “zoe” является общим субстанциональным началом, объединяющим «структурных других», которые вместе составляют сложные сообщества, включающие человека, животных, технику – тем, что Р. Брайдотти называет «zoe-центричный эгалитаризм» (2021, с. 182-183).

В исследованиях Ф. Феррандо (2022, с. 56-58) выделяется несколько ключевых разновидностей постгуманизма: критический (К. Хейлз), философский (Р. Брайдотти) и культурный, политико-ориентированный постгуманизм (Д. Харауэй). Важно отметить, что при всех особенностях границы между критическим, философским и культурным постгуманизмом условны и не всегда однозначны.

В исследованиях К. Хейлз (Hayles, 1999) в качестве значимой предпосылки постгуманизма рассматривается кибернетика. В её работе указывается на то, что современный человек как никогда ранее оказывается связан с многообразием информационных потоков и технологических систем. По мысли К. Хейлз: «Постчеловеческий субъект представляет собой амальгаму, совокупность разнородных компонентов, материально-информационную сущность, границы которой постоянно формируются и перестраиваются» (Hayles, 1999, p. 3). Вместе с тем К. Хейлз (Hayles, 1999, p. 50) подчёркивает, что в условиях доминирования информационных технологий значимость материальности, материального тела, не исчезает, а только возрастает. Связь человеческого тела и среды не является виртуальной, что К. Хейлз (Hayles, 1999, p. 50) фиксирует через концепцию воплощённого познания (“embodied cognition”).

В исследованиях Р. Брайдотти (2021, с. 30) символом гуманизма является «Витрувианский человек». Философский постгуманизм Ж. Делёза и Ф. Гваттари, по мнению автора, смещает фокус с автономной и самодовлеющей субъектности на процессуальность, с иерархии «бытия» на онтологию «становления» («становление-землёй», «становление-животным», «становление-машиной») (Брайдотти, 2021, с. 131-183). Жизнь, исходя из размышлений Р. Брайдотти (2021), не является ни метафизическим понятием, ни отвлечённой семиотической системой значений. Она выражает коллективную общность, историю совместного сопереживания.

Идея симбиотического, реципрокного единства человеческого и нечеловеческого находит своё развитие в исследованиях Д. Харауэй (2005; 2020). В работе «Манифест киборгов» Д. Харауэй (2005, с. 362-363) признаёт агентность нечеловеческих акторов, отсутствие однозначной границы между живым и неживым, культурой и природой. В более позднем исследовании Д. Харауэй (2020, с. 52) вводит понятия «тентакулярность»,

«тентакулярное мышление» в качестве инструмента познания симбиотического многообразия. Дискурсу «антропоцена» и «капиталоцена» Д. Харауэй (2020) противопоставляет идеи «хтулуцена» и «онтологию компоста» как фундаментальную метафору постантропоцентрического существования. По мысли П. И. Вермишовой (2024, с. 77), «онтология компоста» – это радикальный утопический проект по деантропологизации, который является то ли политическим манифестом, то ли поэтической метафорой.

Несмотря на эвристическую привлекательность постгуманистического дискурса, в академической литературе сложился ряд справедливых возражений. Во-первых, критики указывают (Дыдров, 2024; Мартин, 2024; Медушевский, 2024; Ростова, 2023) на множественные противоречия. Так, постгуманизм, деконструируя универсального субъекта гуманизма, периодически воспроизводит его универсалистскую риторику. Критики постгуманизма отмечают, что он ориентируется на основные выводы гуманистической философии: рациональное конструирование, идею научного прогресса, достижения технологии и медицину. По мнению А. Н. Медушевского: «Констатация наступления постчеловеческого состояния выглядит, как минимум, преувеличением: человеческая идентичность остаётся частью нашего самоощущения, а все изменения осмысливаются в его категориях, выйти за пределы которых оказывается невозможно» (2024, с. 183). Во-вторых, постгуманистический дискурс некоторые репрессивные практики вскрывает, а другие, напротив, – маскирует и оправдывает. По мысли Э. Мартина (2024, с. 135), постгуманизм постулирует идею тотальной инклюзивности, размывая смысловые стратегии. Однако эта инклюзивность часто остаётся декларативной. На практике же размывание границ между человеческим и нечеловеческим может оборачиваться новыми формами исключения, где человек лишается не только привилегий, но и субъектности. Кроме того, современные механизмы исключения и угнетения коренятся не столько в антропоцентризме как мировоззрении, сколько в капиталистических отношениях.

Критики указывают на обилие метафор, идеалистичность и утопизм постгуманистической риторики (Медушевский, 2024, с. 182). Однако такие особенности вполне объяснимы. Постгуманизм обращается к феноменам, не артикулированным в языке гуманизма, что требует новых выразительных средств. Постгуманизм не отрицает человека и его идентичность, но отвергает монополию гуманизма на определение этически релевантного. Упомянутый «утопизм» постгуманизма отражает этап становления его концептуальной программы. В конце концов, гуманизм, прежде чем стать доминирующим способом мышления, когда-то сам был «утопией».

Сложность в постгуманизме: кризис антропоцентризма и распределённая агентность

Постгуманизм возникает из кризиса антропоцентризма и основывается на признании перманентной сложности. Если первое обстоятельство можно считать общепринятым, то второе, по нашему мнению, является недооценённым. Критикуя антропоцентризм за его редукционизм и слепоту к «нечеловеческому», постгуманизм сталкивается с проблемой: как мыслить децентрированную реальность? Ответ на этот вопрос, как нам представляется, лежит в обращении к феномену сложности.

Постгуманизм возникает как реакция на усложнившуюся антропологическую перспективу. В основе гуманизма лежат идеи антропоцентризма. В работе «Ницше» М. Хайдеггер (2006) осуществил последовательную критику антропоцентризма как явления европейской культуры, охарактеризовав его как проявление ницшеанской «воли к власти». С одной стороны, Ф. Ницше не связывал «волю к власти» исключительно с человеком. С другой стороны, именно человек оказывается единственным моральным агентом, «творцом» ценностей. Важно отметить, что «воля к власти» в логике Ф. Ницше есть также «установление» (и переоценка) ценностей, которая оказывается доступна только человеку, что делает его перспективу исключительной.

Согласно гуманизму, человек рассматривался как носитель универсального «взгляда» на многообразие. Человек был своего рода онтологическим центром, замыкая все возможные перспективы на самого себя. Напротив, в контексте постгуманизма, всякий центр временен и локален относительно множества акторов (природных, человеческих, технических или сугубо дискурсивных). Кроме того, постгуманизм опосредованно предполагает критику корреляционизма (который является прямым продолжением антропоцентризма) и возможности прямого «человеческого доступа» (human access) к реальности. Корреляционизм, по мысли Н. Янга (Young, 2020, p. 48), устанавливает границу между человеком и миром, что ставит под сомнение универсальность человеческой перспективы. Отказ от идеи человеческой исключительности в постгуманизме предполагает расширение эпистемологической перспективы через осознание её ограничений, включение в поле субъектности тех, кто традиционно мыслился за его пределами. Сложность в логике постгуманизма перестаёт быть замкнутой на человека. Это обстоятельство ставит вопросы о границах человеческого, природе культурных инноваций и этике взаимодействия с нечеловеческими мирами (животными, техникой, экосистемами).

В гуманистическом ключе многообразие, а значит, и системность виделись как прямое продолжение потребностей и интересов человека. Антропологическая подоплёка системного мышления, по нашему мнению, предполагает не только дескриптивное описание действительности, но и её скрытую оценку, выступая в роли своего рода антропологической проекции. Так, сталкиваясь с явлениями природы, культуры или общества, человек говорит о «системе природы», «системе языка», подспудно рассматривая природу как ресурс, язык – как средство общения, а общество – как предмет управления. Сложность в данном контексте оказывается тем, что противопоставляется универсальной антропологической перспективе. Сложность природы в таком случае как бы не даёт познать её законы, сложность рынка угрожает стабильности и определённости социальной действительности. Иначе говоря, в контексте гуманистического подхода мир не является самоценностью, он должен быть полезен, понятен, безопасен или хотя бы эстетически оформлен. Сложность

в таком случае рассматривалась как нечто, требующее преодоления, поддающееся декомпозиции, оптимизации. Многообразие в этом контексте становится обозримым, конечным, целесообразным, «поставляюще-предоставляющим» (если использовать понятие М. Хайдеггера). Как подмечает А. И. Криман: «...устанавливая нормативы, мы всегда попадаем в иерархизированную фабрику сортировки и отбраковки» (2020, с. 66). В этом контексте система локализует границы, отсекает всё, что выходит за границу антропоцентрической перспективы. Постгуманизм подвергает сомнению исключительное право гуманизма задавать нормативные и смысловые рамки для интерпретации многообразия.

Мы полагаем, что со сложностью человек знакомится раньше, чем с системами (Ополев, 2019). Феномен сложности охватывает целый ряд недостаточно артикулируемых в пространстве классического системного подхода явлений. Неразрешимо множественное, различное, аффективное, синкретичное, иначе говоря, «становящееся» оказывается первичным по отношению к классическим системам. В этом первичном переживании многообразия не последнюю роль играют аффекты, ценности и конечно же вещи. По мысли М. Серра: «Человеческого коллектива без вещей не бывает: взаимоотношения между людьми осуществляются через вещи, а наше отношение к вещам – через людей» (2022, с. 96). Постгуманизм возвращается к сложности, в которой нет однозначной границы между системой и средой. Разные эпистемологические и ценностные перспективы в логике постгуманизма избыточны, асимметричны, несоизмеримы и самоценны. Полагаем, что постгуманизм возвращает человека к переживанию первичной сложности, без насильственной попытки её преодолеть, редуцировать. Причём это не означает, что постгуманизм отрицает классический системный подход, а скорее напротив, уточняет его.

Постгуманизм предлагает программу переосмысления идентичности в мире, где границы между человеком, животным, технологией и природой становятся проницаемыми и относительными. Этот дискурс утверждает представление о сложном, онтологически неоднородном мире, в котором человек больше не является ни центром, ни единственным субъектом. Такие гибридные сущности, как киборги (Харауэй, 2005) выступают в роли метафоры нового, сложного способа существования, требующего отказа от классических дуализмов (природа – культура, живое и неживое, внешнее и внутреннее) и признания множественности агентов реальности. Сложность здесь проявляется как невозможность редуцировать бытие к одному лишь человеческому измерению, выход за границы системных рамок.

Обращение к постгуманизму позволяет зафиксировать взаимодополнительность постнеклассической науки и современной философии в оценке сложности. Так, объективные свойства сложных саморазвивающихся систем (например, нелинейность, эмерджентность) оказываются даны не сами по себе, а через призму «наблюдателя сложности» (Аршинов, 2013). В размышлении о наблюдателе неизбежно воспроизводится антропоцентрическая установка. Постгуманизм, напротив, способствует проблематизации такого рода позиции, которая никогда не является ценностно-нейтральной. В методологии сложности и концепциях синергетического типа вполне сложился формальный аппарат для описания самоорганизации, сложности и усложнения, но к ценностно-смысловым особенностям систем, «внесистемным» характеристикам наблюдателя синергетика оказывается слабо чувствительна. Постгуманизм способствует осмыслению этих процессов в их конкретно-исторических особенностях, включая опосредованное влияние на человека, скрытые этические и даже политические аспекты (например, в рамках проблем биополитики). Человек постгуманизма перестаёт быть управляющим, универсальным наблюдателем многообразия, носителем исключительной онтологической перспективы. Постчеловек оказывается одним из «узлов», равноценных с «другими» в сетях распределённой агентности.

Сложность как аксиологическая, нормативная категория

Сложность в логике постгуманизма перестаёт быть ценностно-нейтральным понятием. В синергетике, понятой исключительно как наука, сложность есть объективное свойство систем. В синергетике как мировоззрении «сложность наблюдателя сложности» уже не может быть ценностно-нейтральной характеристикой (Аршинов, 2013, с. 230). В этом контексте концепция «мышления-вместе-со-сложностью» (Аршинов, Свирский, 2023, с. 261) также углубляет и расширяет постантропоцентрическую перспективу.

Постгуманистический дискурс делает акцент на том, что сложность никогда не бывает распределена равномерно. Разные группы акторов (включая, конечно, и человека) вынуждены переживать её совершенно по-разному (эпистемологически, этически), так сказать, находясь по разные стороны процесса усложнения. Мы полагаем, что в логике постгуманизма сложность накладывает нормативные ограничения на допустимые действия и порождает сопутствующие последствия (этические и политические). Во-первых, быть сложным – значит постоянно вступать в отношения, устанавливать перформативные связи. Однако связи всегда заданы в рамках определённого горизонта (например, нейробиологического, семиотического, ценностного), что накладывает свои ограничения. Во-вторых, признание сложности становится этическим и политическим актом констатации асимметричной агентности «других». Здесь мы должны признать, что любая дискурсивная репрезентация со стороны человека отчасти воспроизводит критикуемые со стороны постгуманизма практики исключения. «Нечеловеческое» оказывается в позиции молчаливого объекта. Это – асимметрия власти, которую постгуманизм не снимает, а только делает очевидной. В-третьих, «быть сложным» в оптике постгуманизма – значит признавать различия, многообразие, избегать метанарративов. Однако без тождества нет связи. Стремление избегать универсализаций также, в свою очередь, является обобщением. В-четвертых,

человек как наблюдатель сложности становится её соучастником, ответственным за репрезентацию и артикуляцию возникающих связей. В этом смысле именно человек по-прежнему остаётся ответственным (и единственным) «голосом» других видов сущего.

Следует заметить, что в контексте акторно-сетевого подхода Б. Латура (2006, с. 61-62) «сетевое многообразие» (а значит, и сложность) также не является ценностно-нейтральным понятием. Точнее говоря, в акторно-сетевой теории (далее АСТ) ценность локальна, процессуальна и всегда возникает внутри конкретной сети отношений, когда акторы взаимодействуют друг с другом. Получается, что ценности буквально «циркулируют» в сетях, требуя «перевода» на язык разных акторов. Это возвращает нас к картографии актуального сетевого многообразия и сугубо дескриптивного описания сложности. Постгуманизм вводит нормативное, этическое измерение. Сложность асимметрична, разные акторы (если пользоваться терминологией АСТ) обладают разной агентностью, оказываются по-разному уязвимы и проявлены. В логике АСТ палач и его жертва, раб и господин, человек и животные – симметричны с точки зрения анализа. В логике постгуманизма симметрия их аналитического статуса предполагает асимметрию их перспектив в онтологическом и этическом плане.

Сложность выходит за границы картографии существующих сетей (как в акторно-сетевой теории), предполагает признание того, что любое описание многообразия уже есть некоторое оценочное действие (в том числе политическое). Таким образом, сложность перестаёт быть лишь констатацией многообразия и становится нормативным ориентиром. Признание асимметричной сложности позволяет переосмыслить идею универсальных моральных императивов, основанных на гуманистическом нарративе человеческой исключительности.

Жители развитых и развивающихся стран по-разному переживают проблему изменения климата. Для жителей развитых стран эта проблема артикулирована, требует определенной реакции (например, выбор между автомобилем и общественным транспортом, необходимость сортировки мусора, использование солнечных панелей). Для жителя развивающейся страны эта проблема может быть даже не артикулирована, а её сложность выглядит иначе (например, необходимость адаптироваться в условиях засухи, потери урожая, голода). Получается, что обе стороны по-разному сталкиваются с одной климатической реальностью. Однако их возможности влиять на ситуацию существенно различаются. Исторически сложилось так, что одно государство создало большую часть выбросов, обладает достаточными ресурсами для артикуляции проблемы, адаптации и уменьшения негативного воздействия. Другое государство страдает сильнее, но почти не участвует в создании климатических угроз. Его агентность ограничена внутренними проблемами и зависимостью от технологий. Постгуманизм требует признать эту асимметричную сложность. Понятие «асимметричная сложность» фиксирует неравномерность распределения агентности и уязвимости между разными участниками взаимодействия. Это обстоятельство порождает дополнительную ответственность человека в современном мире.

В этом смысле связь аксиологического и нормативного в контексте понятия «сложность» состоит в том, что ценностное признание сложности предполагает осознание границ редукционистских стратегий, признание асимметричной агентности, ответственности перед нечеловеческими акторами. Признавая сложность самоценной, мы нормативно фиксируем, что, во-первых, не всякое действие над сложной системой этически допустимо, а, во-вторых, её «голос» (даже если он прямо не артикулирован в языке) требует репрезентации. При этом важно понимать, что такого рода репрезентация зачастую остаётся частичной (или даже чисто гипотетической), что предполагает постоянную рефлексию (со стороны человека) самой её возможности.

Понятие сложности вводит ценностное измерение в понимание многообразия. Как отмечает М. Серр, человечеству жизненно необходимо «перезаключить договор» с природой, признать, что он вместе с природой «живёт и трудится в одном и том же глобальном мире» (2022, с. 97-98). При этом человечество также нуждается в новых правилах отношения к многообразию. Насколько постгуманистический дискурс в современном виде релевантен в качестве программы такого переосмысления этих правил – вопрос открытый. Вместе с тем постгуманизм остаётся знаковым направлением современной философской мысли, альтернативой, которая бросает вызов гуманизму, техно-оптимизму трансгуманизма и «современным плоским онтологиям» (Брайант, 2019; Харман, 2021). Если сетевые онтологии создают видимость «плоскостного равенства» всех акторов, то сложный подход, дополненный постгуманистической критикой, показывает, что сложность есть ценностная категория, которая распределена неравномерно. Разные виды сущих организуют и переживают сложность по-разному. Они обладают разной степенью чувствительности к происходящим изменениям (флуктуациям на языке синергетики), разными перспективами, «горизонтами» для своих действий.

Сложность в логике постгуманизма мыслится как ценностная категория, освобождающая многообразие от репрессивных практик исключения. Можно сказать, что сложность оказывается не просто сопутствующей категорией постгуманизма, но его внутренней формой. Мы полагаем, что будущее данного дискурса лежит в разработке именно такого рода ракурса. Постгуманизм, по нашему мнению, состоит не в очередном выборе между антропоцентризмом и его альтернативами, а в признании необходимости мыслить, действовать и нести ответственность в условиях нередуцируемой, эмерджентной и асимметричной сложности.

Заключение

В соответствии с поставленными задачами в работе мы выделили два взаимодополнительных вектора в осмыслении сложности: «естественнонаучный» (акцент на самоорганизацию, эмерджентность, несжимаемость) и «философский» (акцент на реляционность, гетерогенность, трансверсальность). В рамках философского дискурса обнаруживаются ценностные следствия признания многообразия. Критика образа универсального человека, инструментализация разума, объективное развитие науки, техники, экономических систем способствовали объективному кризису гуманизма. Ответом на этот кризис стал постгуманистический дискурс, который фиксирует

отказ от антропоцентризма и предлагает переосмысление места человека в мире. Вместе с тем постгуманизм не является однородным явлением. Формы и направления постгуманизма различаются. «Негативный постгуманизм» предлагает переосмыслить идеи классического гуманизма. «Аналитический постгуманизм» акцентирует внимание на распределённости познания. «Критический постгуманизм» вводит понятие «зое-центричного эгалитаризма». Несмотря на различия, представленные направления сходятся в признании перманентной сложности. В логике постгуманизма сложность перестаёт быть дескриптивной категорией и приобретает выраженное ценностное измерение. Именно этот переход составляет основу постгуманистической стратегии отказа от антропоцентризма в пользу децентрации. Децентрация в постгуманизме предполагает критику привилегии человека задавать нормативные рамки для многообразия. В постгуманизме человек превращается в один из равноправных элементов сетевых взаимодействий с нечеловеческими акторами. При этом понятие «сложность» также накладывает нормативные ограничения на асимметричные отношения человека с нечеловеческими акторами.

Решённые в работе задачи позволяют утверждать, что феномен сложности с позиции постгуманизма не является лишь дескриптивной характеристикой многообразия. Сложность выступает ценностно-насыщенной категорией, которая конкретизирует связь человека и мира, уточняя понимание перспектив существования постчеловека. Если в классическом гуманизме сложность редуцировалась до эпистемологического препятствия, в постмодернизме служила преимущественно оптикой деконструкции, то в русле постгуманизма сложность обретает статус онтологического и этического действия.

В отличие от трансгуманизма сложно-ориентированный постгуманизм исходит из того, что постчеловек не обладает ни фиксированной сущностью, ни привилегированной перспективой. Агентность, согласно постгуманизму, видится распределённой, ситуативной, асимметричной и не может быть замкнута на человека. В постструктурализме и постмодернизме децентрация часто носила характер жеста – демонстрация иерархий, бинарных оппозиций, логоцентризма. Постгуманизм сохраняет этот критический импульс, но дополняет его конструктивным измерением. Децентрация предполагает не факт «отсутствия центра», а признание того, что любая система (социальная, экологическая, техническая) существует только в пространстве сложных, реципрокных отношений человека и мира.

Эвристический потенциал сложности по отношению к проблеме человека раскрывается в нескольких аспектах. Во-первых, сложность переопределяет границы человеческого, меняет представление о самой человеческой агентности, идентичности, что способствует переосмыслению связи человека и мира. Классический гуманизм стремился провести однозначную линию между человеком и действительностью (животными, машинами, экосистемами и т. п.). Сложность показывает, что эти границы подвижны и проницаемы, а человек, в свою очередь, не управляет миром извне, а является его деятельным участником, включённым в сети асимметричных отношений. Это делает понятие «сложность» аксиологически насыщенной категорией. Во-вторых, сложность даёт значимый инструмент для критики редукционистского подхода. Целый ряд антропологических кризисов современности (от экологических до сугубо политических) вырастает из абсолютизации разного рода бинарных оппозиций (например, «человек – природа», «свои – чужие»), редукций (например, природа – ресурс). Человек, признающий нередуцируемую сложность, получает возможность выстраивать свою жизнь в контексте разного рода перспектив. Впрочем, это не означает полный отказ от редукции, а, скорее, осознание её ограниченности. В-третьих, сложность показывает, что социокультурная действительность не сводится к сумме действий отдельных людей, включает нечеловеческие акторы (инфраструктуры, алгоритмы и целые экосистемы). Это обстоятельство требует соответствующей этики.

В завершение отметим, что в постгуманизме нет необходимости пренебрегать человеком в пользу животных, разумом в пользу иррационального, культурой в пользу природы. Скорее напротив, нужно привлечь эти начала для понимания глубинной связи человека и мира. Признавая идеалистический (а иногда и вовсе утопический) характер некоторых положений и выводов современного постгуманизма (по крайней мере в представленных авторских интерпретациях) следует согласиться с тем, что антропологический кризис современности имеет реальные основания. Гуманизм требует переосмысления, поскольку содержит практики исключения и дегуманизации, а в подходах к сложности современного мира мы не можем ограничиться констатацией абстрактного многообразия. Вместе с тем вопрос о том, насколько понятие «сложность» является ценностно-насыщенным, остаётся открытым.

Постгуманизм объективно способствует осознанию ценностных следствий признания многообразия и сложности. Таким образом, постгуманизм, дополненный сложностной оптикой, предлагает не окончательный ответ, а конструктивную постановку вопроса: как мыслить, действовать и сосуществовать в мире, где антропоцентрическая перспектива не является ни универсальной, ни единственно значимой. В качестве перспективы для дальнейшего исследования видится необходимость операционализации понятия «асимметричная сложность» в этико-политическом контексте, включая биоэтику, регулирование технологических систем. Особого внимания требует сравнительный анализ постгуманистической трактовки сложности с её интерпретациями в акторно-сетевой теории, объектно-ориентированной онтологии и новых материализмах.

Источники | References

1. Аршинов В. И. Наблюдатель сложности в контексте парадигмы постнеклассической рациональности // Философия науки. 2013. Т. 18. № 1.
2. Аршинов В. И. Эволюция антропоцентризма в перспективе сложностного подхода // Вопросы философии. 2021. № 10. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-10-44-48>

3. Аршинов В. И., Свирский Я. И. Реляционно-трансдуктивное мышление как аспект мышления-вместе-со-сложностью: опыт когнитивного погружения // Наука и феномен человека в эпоху цивилизационного макросдвига / отв. ред. В. Г. Буданов, Л. П. Киященко. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2023. <https://doi.org/10.29039/via-jis-158-266>
4. Асеева И. А., Маякова А. В. Парадигма сложности в проекции на современную философию // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 9.
5. Брайант Л. Р. Демократия объектов. Пермь: Гиле Пресс, 2019.
6. Брайдотти Р. Постчеловек / пер. с англ. Д. Хамис; под ред. В. Данилова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021.
7. Вермишова П. И. Человек и общество в эпоху хтулуцена: взгляд Д. Харауэй // Современные философские исследования. 2024. № 3. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2024-3-70-79>
8. Гречко П. К. Парадигмальная эвристика “complexity” в современном социально-гуманитарном познании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2012. № 1.
9. Грибовод Е. Г. Этапы становления постгуманизма. К постановке проблемы // Дискурс-Пи. 2020. Т. 17. № 4 (41). <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10409>
10. Грицанов А. А. Гуманизм // Всемирная энциклопедия: Философия. М. – Мн.: АСТ; Харвест; Современный литератор, 2001.
11. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург – М.: У-Фактория; Астрель, 2010.
12. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. М.: Академический проект, 2000.
13. Дыдров А. А. Апологетика и критика постгуманизма (рецензия) // Журнал фронтирных исследований. 2024. Т. 9. № 2 (34). <https://doi.org/10.46539/jfs.v9i2.594>
14. Криман А. И. Постгуманистический поворот к пост(не)человеческому // Вопросы философии. 2020. № 12. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-12-57-67>
15. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.
16. Маркитантов А. Д. Образ будущего и неопределенность в постмодернистской культуре // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2026. № 1. https://doi.org/10.35231/18186653_2026_1_134
17. Мартин Э. Критический анализ гипотетических представлений о постчеловечестве в трансгуманизме и постгуманизме // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24. № 5. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V381>
18. Мартин Э. Философские основания метагуманизма: критика проекций постчеловеческого будущего // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2026. Т. 26. № 2. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V505>
19. Матурана У., Варела Ф. Древнее познание: Биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: URSS; ЛЕНАНД, 2019.
20. Медушевский А. Н. Постгуманизм: научная теория, социальная утопия или новая идеология господства? (Часть I) // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 3 (24). https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_3_171_185
21. Неаполитанский М. С. Постгуманизм через призму истории: старые «новые» мысли о человеке // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2020. № 33.
22. Ополев П. В. Проблемы концептуализации сложности в науке и философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 48. <https://doi.org/10.17223/1998863X/48/2>
23. Ополев П. В. Проблемы определения антропокультурной // Гуманитарный вестник. 2018. № 10 (72). <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2018-10-561>
24. Ополев П. В. Сложность в ракурсе онтологического поворота в современной антропологии // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 2. <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2024-10-2-0-2>
25. Орлов Д. Е. Рекурсивная сложность техносциальных систем как фактор разрастания социальных рисков // Информационное общество. 2014. № 5-6.
26. Поломошнов П. А. Постгуманизм: вершина или конец классического гуманизма? // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2017. № 2-2 (24).
27. Ростова Н. Н. Критический анализ философских оснований постгуманизма // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 7.
28. Свиридов О. А. К уточнению понятия «сложная система» // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2013. № 1.
29. Серр М. Договор с природой / пер. с фр. С. Б. Рындина; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022.
30. Сигнаевская О. Р. Постантропологическая эпоха: переосмысление мировоззренческих и эпистемологических установок мира человека // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2011. № 4 (28).
31. Стебаков Д. А. Следовать сложной природе человека // Философия науки. 2013. Т. 18. № 1.
32. Фатенков А. Н. Идиллия гуманизма и реалии человечности // Человек. 2009. № 4.

33. Феррандо Ф. Философский постгуманизм / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Павлова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022.
34. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994.
35. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993а.
36. Хайдеггер М. Ницше: в 2 т. / пер. с нем. А. П. Шурбелева. М.: Владимир Даль, 2006. Т. 2.
37. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993б.
38. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970-2000 / под ред. К. Дипвелл, Л. Бредихиной. М.: Росспэн, 2005.
39. Харауэй Д. Оставаясь со смутой: заводить сородичей в хтулцуне / пер. с англ. Д. Я. Хамис, П. А. Хановой, А. А. Писарева. Пермь: Hyle Press, 2020.
40. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / пер. с англ. М. Фетисов. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021.
41. Ямпольский М. Экран как антропологический протез // Новое литературное обозрение. 2012. № 2 (114).
42. Cilliers P. Complexity and Postmodernism: Understanding Complex Systems. L. – N. Y.: Routledge, 2002.
43. Cilliers P. Knowledge, Complexity, and Understanding // Emergence. 2000. Vol. 2. No. 4. https://doi.org/10.1207/S15327000EM0204_03
44. Hassan I. Prometheus as Performer: Toward a Postmodern Culture? // Performance in Postmodern Culture / ed. by M. Benamou, C. Caramello. Madison, Wisconsin: Coda Press, 1977.
45. Hayles N. K. How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics. Chicago: University of Chicago Press, 1999.
46. Heylighen F., Cilliers P., Gershenson C. Complexity and philosophy // Complexity, science and society / ed. by J. Bogg, R. Geyer. Oxford: Radcliffe Publishing, 2007.
47. Kesić S. Universal Complexity Science and Theory of Everything: Challenges and Prospects // Systems. 2024. Vol. 12. No. 1. <https://doi.org/10.3390/systems12010029>
48. Richardson K., Cilliers P. What is complexity science? A view from different directions // Emergence: Complexity and Organization. 2001. Vol. 3. No. 1.
49. Scheessele M. R. The hard limit on human non-anthropocentrism // AI and Society. 2022. Vol. 37 (1).
50. Woermann M. Bridging Complexity and Post-Structuralism: Insights and Implications. Cham: Springer International Publishing, 2016.
51. Young N. On Correlationism and the Philosophy of (Human) Access: Meillas-soux and Harman // Open Philosophy. 2020. No. 3 (1).

Информация об авторах | Author information

Ополе́в Павел Валерьевич¹, к. филос. н., доц.

¹ Омский государственный технический университет

Pavel Valerievich Opolev¹, PhD

¹ Omsk State Technical University

¹ Pvo-sinergetica@rambler.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.04.2026; опубликовано online (published online): 26.05.2026.

Ключевые слова (keywords): кризис гуманизма; нечеловеческие акторы; постгуманистический дискурс; сложность как ценность; стратегия децентрации человека; crisis of humanism; non-human actors; posthumanist discourse; complexity as a value; strategy of human decentralization.